

– ТЕКСТОЛОГИЯ. СТИХОВЕДЕНИЕ –

УДК 821.512.141.08

*Б. В. Орехов***Башкирский стих в системе сравнительного
тюркского стиховедения**

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные свойства башкирского стихосложения, установленные статистическими методами, в сопоставлении с описаниями других тюркских систем стихосложения, созданными в течение XX в. Речь идет о неравносложных формах силлабики, наиболее распространенных метрах и особенностях ритма. Из сопоставления можно сделать вывод, что башкирская форма *узун-кюй* имеет уникальный характер и не встречается в других тюркских поэтических традициях (за исключением татарской). Так же необычна для поэзии на других тюркских языках частотность башкирского 9-сложника. Общей чертой для разных тюркских систем стихосложения является предпочтение 8-сложника, который часто фигурирует в тексте вместе с 7-сложником, что оформляется в башкирской поэзии в виде формы *кыска-кюй*. Чтобы сделать вывод о том, распространяются ли на другие тюркские поэтические традиции особенности башкирского ритма, у нас по-прежнему недостаточно данных.

Ключевые слова: башкирский стих, тюркское стихосложение, силлабический стих.

*B. V. Orekhov***Bashkir verse in the system of comparative Turkic verse studies**

Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom), RAS, St. Petersburg, Russia

Abstract. Over the past century, the Bashkir system of versification has been based on the syllabic principle. The same principle, to all appearances, was the basis of the folklore song verse. Although the science of Turkic verse was not as intensive as the study of the Russian verse, it was still developing in the Soviet years. Russian verse scholarship set the coordinates which the researchers of Turkic verse systems were guided by. Now we can compare what is described for Bashkir verse and other Turkic systems of versification and discover similarities and differences. The key forms determining the shape of the Bashkir system of versification are two unequal forms of folklore origin, *uzun-kyu* and *kyska-kyu*. There are no parallels to the first in the Turkic linguistic and cultural area. The second has its analogues in other Turkic systems of versification.

Keywords: Bashkir verse, Turkic versification, syllabic verse.

ОРЕХОВ Борис Валерьевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория цифровых исследований литературы и фольклора, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

E-mail: nevmenandr@gmail.com

OREKHOV Boris Valerievich – Candidate off Philological Sciences, Senior Researcher, Laboratory for Digital Studies in Russian Literature and Folklore, Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom), Russian Academy of Sciences.

Введение

Башкирский язык принадлежит к тюркской семье языков, и его носители населяют территорию Поволжья и Южного Урала. Численность говорящих на этом языке в 2010-х гг. доходила до 1 млн. человек. Язык башкир генетически очень близок татарскому, но литературный вариант башкирского языка все же имеет ряд заметных отличий в области фонетики и лексики. Например, уникальные для региона фонемы /δ/и /θ/.

Активное культурное и языковое обособление башкир [42] началось после Революции. До 1920-х гг. у башкир и татар была общая книжная культура, основанная на литературном языке поволжских тюрков.

В культурном смысле эти народы, как и тюрки Средней Азии (узбеки, туркмены, киргизы и т. д.) начиная со Средних веков находились в сильной зависимости от арабо-персидского влияния. Это влияние проявило себя и в заимствовании жанровых и строфических форм традиционной восточной поэтики, и в формировании очень своеобразной системы стихосложения, которая называется «тюркский аруз» [47]. Проникшая в тюркский мир через староузбекскую литературу, она представляет собой вариант персидского аруза, то есть системы стихосложения, основанной на регулярном чередовании долгих и кратких слогов (первоначально эта система создана для арабского языка, но получило более широкое хождение благодаря арабской культурной экспансии). Интерес тюркского аруза в том, что староузбекский язык, в котором эта система сформировалась, не имеет фонологического противопоставления гласных по долготе и краткости. Этот удивительный факт опровергает подсказываемую здравым смыслом идею, что система стихосложения, основанная на том, чего нет в языке, невозможна. В основе тюркского аруза лежит несколько конвенциональных допущений: долгим считается закрытый слог, а также такой слог заимствованного из персидского языка слова, который является долгим в исходном языке.

Однако в 1920-х гг. в молодой башкирской литературе влияние аруза стремительно сокращается [16] и поэзия переходит на другую форму стихосложения, силлабическую. Аруз имел репутацию «реакционного» стиха, связанного с царским режимом. Аналогичные процессы, хотя и с разной скоростью, параллельно происходят и в других тюркских литературах, оказавшихся под культурным влиянием советского государства. Так, прочнее всего позиции аруза были в азербайджанской поэзии [9]. Последние сто лет башкирская система стихосложения основана на силлабическом принципе. Этот же принцип, по всей видимости, лежал в основе фольклорного песенного стиха. У нас свидетельства о нем благодаря записям польского тюрколога Т. Ковальски [46]. Они сделаны в среде казанских татар, но, по всей видимости, существенной разницы между башкирским и татарским стихом нет. Последнее справедливо как для фольклора, так и для авторской поэзии.

Далее мы предпримем последовательное сравнение особенностей башкирского стихосложения с другими тюркскими традициями. Возможность такого сравнения обеспечивается двумя обстоятельствами.

Во-первых, наука о тюркском стихе хотя и не была настолько активной, как изучение русского стихосложения, все же развивалась в советские годы. Русское стиховедение задавало координаты, на которые ориентировались исследователи тюркских систем стихосложения. Вопросами стиха на тюркских языках занимался такой видный ученый, как академик В. М. Жирмунский [11], [12]. Благодаря систематической работе стиховедов, начиная с 1950-х гг. у нас есть описание тенденций в казахском, уйгурском, туркменском, киргизском, чувашском, якутском, тувинском и др. стихосложениях. Ретроспективно из 1990-х гг. исследователи констатировали, что «тюркское стиховедение наибольший расцвет получило в 60-е годы» [30, с. 4]. Таким образом, у нас есть возможность сопоставить описания, которые сделали тюркологи для отдельных стиховых систем, с тем, что мы наблюдаем в башкирском стихе.

Во-вторых, башкирский стих сравнительно хорошо изучен. Есть справочная книга, посвященная именно башкирскому стихосложению [40], глава в монографии [36], несколько диссертаций [16], [17], [35]. Наконец, в 2019 г. вышла монография, использующая для описания всей силлабической башкирской традиции корпусные и статистические методы, развивающие идеи русского стиховедения [20].

Благодаря практике лингвистической типологии более привычным (если только речь не идет об исторической реконструкции) является сопоставление неродственных языков. За этим принципом формирования исследовательской выборки имплицитно присутствует соображение, что в близкородственных языках будет слишком много общих элементов, которые не позволят увидеть реально присутствующее в природе разнообразие. Однако и в лингвистике в ряде случаев прибегают к внутригенетической типологии [23], [45], [48], [49]. Нашей целью также не является реконструкция пратюркского стиха (попытки такой реконструкции есть, например, в статье [19]). В то же время, как будет видно из дальнейшего изложения, тюркские системы стихосложения при сопоставлении друг с другом способны показать высокую степень своеобразия.

Неравносложные формы в тюркском силлабическом стихе

Ключевыми формами, определяющими облик башкирской системы стихосложения, являются две неравносложные формы фольклорного происхождения, *узун-кюй* и *кыска-кюй* [21]. В татарском песенном фольклоре они также присутствуют [28]. Первая представляет собой регулярное чередование 10- и 9-сложных строк (ее название переводится как «протяжный напев»), вторая – чередование 8- и 7-сложных строк («короткий напев»). Вместе они покрывают около половины всего корпуса башкирской поэзии.

По всей видимости, наиболее привычным для силлабической поэзии является все же изосиллабический способ организации текста. Он настолько естественен, что в ряде случаев даже отождествляется с силлабической системой [22, с. 105], [39, с. 12]. Но на то, что сопоставимость и соизмеримость отдельных строк не означает равенство, уже указывали исследователи [15, с. 17]. Проследим, в каких тюркских системах стихосложения фиксируются такого рода формы. Будем двигаться от наиболее близких башкирам в культурном отношении поэтических традиций к более далеким. То есть сначала рассмотрим среднеазиатские тюркские народы, а затем дополним этот круг сибирскими тюрками, которые находились вне зоны влияния арабо-персидского культурного ареала. С первыми общность может быть продиктована прямым взаимодействием. Со вторыми может быть объяснена рефлексам пратюркского состояния или типологическими параллелями, вызванными структурной близостью языков.

Уже в 1960-е гг. было замечено, что «принцип изосиллабизма не ограничивается лишь установлением общей соизмеримости стихотворных строк друг с другом» [5, с. 25], а для казахского фольклора упоминается распространенное чередование строк 7- и 8-сложной длины, то есть аналог башкирской *кыска-кюй*. При этом в 1970-е гг., очевидно, под давлением упрощенного понимания силлабики был сделан шаг назад, и казахские стиховеды вопреки фактам пишут уже о строгом равносложии [34, с. 10]. Впрочем, возможно, что неизосиллабические тексты получают большее распространение в авторской поэзии, а неравносложные остаются в зоне народного творчества.

Практика киргизской поэзии также заставляет обратить внимание на необязательность равносложия в силлабике [27, с. 38], при этом сочетание 7- и 8-сложных строк даже осмысливается как отдельный стихотворный метр [27, с. 45]. На новом этапе описания, опираясь на осознанность подхода к материалу, заданную русским стиховедением, исследователи говорят об урегулированных метрах, составляющих 90,48 % строк [41, с. 39]. К таким метрам причисляется и сочетание 7- и 8-сложников, это весьма частотный случай в киргизской поэзии, охватывающий 29,13 % строк [41, с. 41].

О чередовании 7- и 8-сложников говорят и исследователи уйгурского стиха [37, с. 107].

При обозрении стихосложения сибирских тюркских народов также можно встретить упоминание неравносложия как естественного свойства силлабики. Так, в авторской хакасской поэзии неизосиллабичных текстов насчитывается столько же, сколько и изосиллабичных [32, с. 34], а «обычным становится чередование 7-ми и 8-мисложников в данном стихотворении» [33, с. 11].

Та же длина строк в 7 и 8 слогов является примером неравносложного стиха в тувинском фольклоре [31], [10, с. 6]. Правда, равносложные произведения доминируют и составляют 90 % от всех проанализированных.

В якутской поэзии к 1980-м гг. насчитывается от 67 % до 87 % текстов, написанных приблизительно равносложными стихами [29, с. 25]. Соответственно, остальные под это описание не подходят, то есть являются неравносложными.

Таким образом, неравносложие в тюркской силлабике давно замеченное и отрефлектированное свойство. При этом наиболее заметным проявлением этого свойства являются тексты, демонстрирующие сочетание 7- и 8-сложных строк. Такая поэтическая форма встречается в поэзии народов, удаленных друг от друга и географически, и культурно. Свои аналоги *кыска-кюй* мы видим у казахских, киргизских, уйгурских, хакасских и тувинских поэтов. Но никто из стиховедов не упоминает о формах, аналогичных башкирской *узун-кюй* (чередование 10- и 9-сложников). По всей видимости, эта форма представляет собой специфику именно башкирской системы стихосложения.

Метрика тюркского силлабического стиха

Наиболее частотные метры башкирской поэзии: 9-, 10-, 8-, 7-сложники. Вместе они представляют более 80 % всех строк корпуса [20, с. 94-95]. При этом доминирующим размером является 9-сложник (28,2 %). Такое его положение обеспечивается распространенностью формы *узун-кюй* и значительным числом изосиллабических стихотворений.

Надо сказать, что систематических подсчетов распространенности тех или иных метров в других тюркских поэтических традициях не проводилось, но некоторые тюркологи все же делились своим читательским опытом, выделяя наиболее частотные, по их мнению, метры.

В 1950-х гг. наиболее распространенным размером чувашской поэзии объявляется 7-сложник [13, с. 8]. Семантика этого метра имеет и социальное измерение: «Семисложник, имеющийся и в фольклорном метрическом репертуаре всех этнографических групп чувашей, был своеобразным символом консолидации, единения нации» [26, с. 146]. В целом система стиха складывается как противопоставление коротких строк в 7 или 8 слогов и длинных строк в 11 слогов [25, с. 13]. Примечательно, что занятая в башкирской поэзии зона в 9 и 10 слогов для чувашского стиха оказывается невостребованной. Как мы увидим далее, эта же ситуация характерна для большинства описанных тюркских поэтических систем.

Самыми распространенными в казахской поэзии специалисты называют 6-, 8- и 11-сложные метры [34]. Последний специально указывается как один из самых распространенных [5]. Ситуация аналогичная той, которую мы наблюдаем в чувашской поэзии, с поправкой на то, что 7-сложник меняется на 6-сложник.

В киргизской системе стихосложения обращают на себя внимание 7- и 11-сложники [27, с. 41, 50], при этом 8- и 9-сложники не встречаются в фольклоре, а в авторской поэзии появляются поздно [27, с. 46]. Позднее стиховеды уточняют, что освоение 11-сложника профессиональными поэтами относится к 1920-м гг., до этого в киргизской поэзии он не употреблялся [41, с. 32].

Относительно азербайджанского стиха у нас есть следующие наблюдения: в фольклоре был распространен 11-сложник [2], большинство лирических песен создано 7-, 8- и 11-сложниками [3, с. 12], при этом самым частотным является 7-сложник [4, с. 102].

Туркменский стих также характеризуется преобладанием 11-сложника [24, с. 57], [6, с. 3], заметное место в системе стихосложения занимает также 8-сложник [1, с. 21]. Третий по распространенности метр в стихотворениях центральной фигуры в туркменской поэтической культуре Махтумкули, это 7-сложник [7, с. 38]. Особенностью туркменской системы является также сравнительно частотная 14-сложная строка.

Уйгурский стих также повторяет схему, в которой наиболее распространенными являются 7-, 8- и 11-сложники [37, с. 107]. При этом в 1980-е гг. отмечается рост популярности 10-сложника [38, с. 60], который не выступает частотным ни в одной поэтической культуре, кроме башкирской.

В сибирском регионе ситуация несколько иная. В якутском стихе наиболее распространенным размером силлабического стиха является 7-сложник [8]. В алтайском к нему добавляется 8-сложник, отмечается также заметное место 9-, 10-, 11- и 12-сложников [18, с. 7]. Кроме того, указывается на новации в виде появления 13- и 14-сложников, которые не получили широкого распространения [18, с. 7]. В тувинском самый популярный размер – 8-сложник, его доля составляет от 32 до 75 % строк, а доля 12-сложника – от 22 до 38 % [10, с. 157].

Таким образом, тюркские народы, испытавшие влияние арабо-персидской культуры, противопоставлены сибирским тюркам в том, что гораздо активнее используют 11-сложные строки, мало популярные в Сибири. При этом не имеет региональных оснований деление поэтических традиций на те, которые предпочитают 7-сложник (киргизская, якутская) или 8-сложник (казахская, тувинская). Но большинство (чувакская, туркменская, алтайская) активно используют и 7-, и 8-сложники вместе.

Как мы видим, доминирование 9-сложника в башкирском стихе совершенно уникально. В других тюркских традициях этот метр либо отсутствует среди распространенных размеров, либо встречается реже других (алтайская, киргизская). Так же может быть описано и присутствие 10-сложника среди преобладающих метров башкирской поэзии. В какой-то мере заметны (но не являются лидерами по частотности) 10-сложники только в алтайском и уйгурском стихе. Такие показатели в башкирской поэзии напрямую связаны с частотностью формы *узун-кюй*, о которой говорилось в предыдущем разделе.

Особенности ритмики

Ритм башкирской силлабики обладает некоторыми особенностями, которые становятся видимыми глазу исследователя только благодаря подсчетам. Если метр силлабического стиха – это его длина, исчисляемая в слогах, то ритм – это конфигурация строки, которая складывается из длин составляющих ее слов. Интуиция, что составляющие строку слова являются важным параметром для описания тюркского силлабического стиха, давно известна, и выражена в стиховедческой терминологии: «турак» 'ритмическая группа', «вазн» 'вариант строки с определенной конфигурацией словоразделов' [37].

Одна из особенностей башкирского ритма является основанием для выдвигания *гипотезы паритивного счета* [20, с. 136-139]. Так, установлено, что в стихотворных текстах на башкирском языке статистически значимо больше слов четной длины, чем в прозаических текстах. Кроме того, в размерах четной длины формы, содержащие только слова с четным числом слогов, и содержащие также слова с нечетным числом слогов, распределены неравномерно: варианты, в которых есть слова нечетной длины, покрывают меньшее число строк корпуса. Наиболее частотные формы размеров четной длины всегда состоят только из слов с четным числом слогов. Вероятность появления двусложного слова в инициальной позиции в строке примерно соответствует вероятности его появления в поэтическом тексте вообще, но вероятность встретить в начальной позиции стиха трехсложное слово ниже вероятности встретить его в тексте. Слова нечетной длины

обычно следуют в строке друг за другом, образуя, таким образом, совокупно блоки четной длины. То есть распределение слов с нечетным числом слогов неслучайно и случаи, когда несколько слов нечетной длины распределены в стихе дистантно, редки.

Гипотеза паритивного счета гласит, что башкирский поэт, складывая стихотворную строку, использует в первую очередь слова четной длины (2 и 4 слога). И только если строка должна быть из набора нечетных метров (7-, 9-, 11-сложник и т. д.), то слово нечетной длины добавляется в самом конце, когда основная конструкция строки уже готова.

В целом предпочтительность для механизмов человеческого восприятия четных количеств по отношению к нечетным хорошо известна в психологии. В 1990-м г. открыт так называемый «эффект нечетного» [43]: оказалось, что испытуемым требуется больше времени, чтобы понять, с четным или нечетным числом они имеют дело, в том случае, если число нечетное. Кроме того, на нечетных числах испытуемые делают больше ошибок при идентификации класса числа. Сам автор работы связывал этот эффект с лингвистической составляющей процесса эксперимента: испытуемый должен был осмысливать класс числа в словах («четное» и «нечетное»), которые в английском, родном языке участвовавших в эксперименте, неравнозначно маркированы и нагружены дополнительными внечисловыми ассоциациями. Однако впоследствии появились работы, которые выдвигали альтернативные объяснения этого эффекта [50].

В целом психологи склоняются к версии, что дело не в самом количестве как таковом, а в эффекте *linguistic markedness of response codes* (MARC), что тоже проверялось экспериментально [44]. Но, возможно, существует и такой класс счетных задач, с которыми нашим когнитивным механизмам удобнее справляться, оперируя четными количествами. О фундаментальном различии четных и нечетных чисел много говорили во времена исследования асимметрии мозга, проецируя открытые эффекты на механизмы культуры [14].

Неизвестно, можем ли мы экстраполировать гипотезу паритивного счета на другие тюркские силлабические традиции. Отдельные наблюдения, сделанные тюркологами говорят в большей степени в пользу того, что мы имеем дело с уникальной особенностью именно башкирского стиха.

Туркменский поэтический текст состоит главным образом из односложных и двусложных слов. Трехсложные и четырехсложные слова появлялись в стихах редко, преимущественно как глагольные формы, которые, по мнению исследователя «в языке поэзии и песни малоупотребительны» [24, с. 56]. В древности 11-сложник представлял собой канонизированную форму 2+2+3+2+2 (каждая цифра обозначает слово соответствующей длины в слогах), но с течением времени стали возможны и иные его репрезентации: 4+3+4, 4+4+3, 3+4+4 или 3+3+3+2 [24, с. 58]. Таким образом, никакого значимого различия между словами четной и нечетной длины, а также между ритмом строки, оканчивающейся на слова четной и нечетной длины, в туркменском стихе нет.

Обзор стихотворного материала тюркских народов Сибири [30] также не показывает тех выраженных признаков, которые демонстрирует нам башкирский стих. Но тувинские данные все же демонстрируют преобладание четырехсложных слов над трехсложными [10, с. 69], не свойственное алтайским и хакасским текстам [30, с. 93]. В то же время в якутской поэзии «трехсложная лексическая единица является как бы основной ритмической единицей силлабического стиха Ойунского» [8, с. 85].

Ритм 9-сложного метра в башкирском стихе обладает особым свойством, которое мы называем *правилом Болотова*. Сергей Болотов первым обнаружил эту закономерность в башкирском материале и поделился своей находкой в устном сообщении. Оно формулируется так: в абсолютном большинстве строк длиной в 9 слогов мы обнаруживаем обязательный словораздел после 6-го слога, то есть 9-сложный стих имеет завершение строки вида «+3» либо «+1+2», либо «+2+1», где цифра означает длину слова в слогах. Это утверждение справедливо по отношению к 95,65 % всех 9-сложных

стихов. Самые частотные ритмические схемы 9-сложной строки в башкирском стихосложении выглядят так:

2+2+2+3 (*Ганап беззең аккан вақытты...* 'Считая наше утекшее время...' Шамил Анак «Таштар менән һөйләшеү»), 27,26 % от общего числа 9-сложных строк;

4+2+3 (*Юлдаштары бала сағымдың...* 'Спутники детства моего...' Рәми Ғарипов «Таныш күгәрсендәр»), 17,78 %;

1+3+2+3 (*Гин Ленинга биргән антыңды...* 'Обещание, которое ты дал Ленину...' Рәми Ғарипов «Мәңге бергә»), 10,48 %;

Из аналогичных наблюдений можно выделить только сделанное на казахском материале. Канонизированный как классик казахской поэзии Абай (1845-1904) в 11-сложнике пользовался таким его ритмическим вариантом, который имел 4-слоговое окончание. В советскую эпоху в употребление вошел другой вариант того размера с окончанием в три слога [5, с. 312]. Это наблюдение позволяет сделать вывод, что сама по себе слоговая длина окончания строки выступает важным для носителей традиции параметром описания стиха. При этом нужно специально указать, что речь не идет о полном структурном аналоге клаузулы в европейских системах стихосложения, или об окончании строки после ударной константы: в тюркских языках силовое ударение крайне слабо выражено и практически всегда падает на последний слог.

Заключение

Исследователи тюркских систем стихосложения провели большую работу по описанию своего материала. Хотя они большей частью не пользовались статистическими методами, все же корпус стиховедческих исследований тюркологов дает возможность проследить, что есть общего и различного у тюркских народов на уровне метра и отчасти ритма.

Наиболее продуктивным оказывается сравнение полного статистического описания башкирского стиха с другими тюркскими системами стихосложения. Это сравнение демонстрирует уникальные особенности башкирской системы, которые заключаются, в частности, в использовании формы *узун-кюй*, подразумевающей регулярное чередование 10- и 9-сложных строк. Если другая традиционная башкирская форма *кыска-кюй* (правильное чередование 8- и 7-сложников) так или иначе замечена в других тюркских традициях, то *узун-кюй* нетипична для тюркского стиха. Нестандартной эта форма является и для силлабики в широком типологическом контексте, так как силлабический стих в целом предпочитает равносложие.

Из доминирующего характера формы *узун-кюй* следует и доминирующий характер 9-сложного метра. Этот метр редко встречается в тюркских стиховых системах среди часто используемых, и не является самым частотным ни в одной из описанных традиций. Наоборот, широко распространенный у других тюрков 11-сложник достаточно редок в башкирской поэзии.

Описание ритмики тюркского стиха гораздо беднее, и в этом направлении только предстоит сделать значимые шаги. Однако уже сейчас можно сказать, что такие свойства башкирского стиха, как *паритивный счет* и *правило Болотова*, по крайней мере, не являются заметными для других тюркских традиций, а возможно и вовсе в них отсутствуют.

Литература

1. Абдуллаев Д. Народные основы стихосложения в поэзии Махтумкули. – Ашхабад: Ылым, 1983. – 80 с.
2. Алиев С. Х. Формы классической азербайджанской поэзии. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Баку, 1966. – 34 с.
3. Алиев М. И. Формы и виды азербайджанской народной поэзии. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Баку, 1976. – 26 с.

4. Аллахъяров К. Г. Генезис, становление и пути эволюции арзербайджанского стихосложения. – Киров, 2011. – 179 с.
5. Ахметов З. А. Казахское стихосложение (Проблемы развития стиха в дореволюционной и современной поэзии). – Алма-Ата: Наука, 1964. – 460 с.
6. Бекмурадов А. Основные тенденции развития стихосложения в туркменской советской поэзии. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Ашхабад, 1980. – 33 с.
7. Бекмурадов А. Поэтическое мастерство Махтумкули Фраги. Автореферат ... доктора филологических наук. – Ашхабад, 1990. – 50 с.
8. Васильев Г. М. Якутское стихосложение. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. – 128 с.
9. Джафар А. Теоретические основы аруза и азербайджанский аруз (в сравнении с арабским, персидским, таджикским, турецким и узбекским арузами). Автореферат ... доктора филологических наук. – Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1968. – 198 с.
10. Донгак У. А. Тувинское стихосложение. Диссертация ... кандидата филологических наук. – Кызыл, 1999. – 158 с.
11. Жирмунский В. М. Ритмико-семантический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // *Вопр. языкозн.* 1964. № 4. С. 3–24.
12. Жирмунский В. М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // *Вопр. языкозн.* 1968. № 1. С. 23–42.
13. Иванов Н. И. Чувашское стихосложение и его особенности. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Чебоксары, 1958. – 12 с.
14. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. – М.: Советское радио, 1978. – 185 с.
15. Илюшин А. А. Русское стихосложение. – М.: Высш. шк., 2004. – 240 с.
16. Искандарова С. А. Эволюция метрического и силлабического стихосложения в башкирской поэзии начала XX века. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Уфа, 2013. – 23 с.
17. Каскинова Г. Н. Вопросы структурной поэтики в современной башкирской поэзии. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Уфа, 2007. – 22 с.
18. Каташев С. М. Основы алтайского стихосложения. Автореферат ... кандидата филологических наук. – М., 1972. – 24 с.
19. Коршь Ө. Древнѣйшій народный стихъ турецкихъ племень // *Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго архологическаго общества.* Т. XIX. Вып. II–III. – СПб.: Типографія императорской академии наукъ, 1909. – С. 139–167.
20. Орехов Б. В. Башкирский стих XX века. Корпусное исследование. – СПб.: Алетейя, 2019. – 344 с.
21. Орехов Б. В. Метр отрезков длиннее строки в башкирском силлабическом стихе // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* – 2019. – Т. 78. – № 2. – С. 41–50.
22. Поливанов Е. Д. О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми факторами других «алтайских» народностей // *Проблемы восточного стихосложения.* – М., 1973. – С. 100–106.
23. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания.* 2013. № 2. С. 3–31.
24. Реджепов Р. Лирическое содержание и искусство стиха. Автореферат ... доктора филологических наук. – Ашхабад, 1969. – 88 с.
25. Родионов В. Г. Чувашское и тюркское стихосложение: Учеб. пособие. – Чебоксары: Изд. Чуваш. ун-та, 1980. – 80 с.
26. Родионов В. Г. Чувашский стих. Проблемы становления и развития. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1992. – 224 с.
27. Рысалиев К. Киргизское стихосложение. Автореферат ... доктора филологических наук. – Фрунзе, 1965. – 132 с.
28. Смирнова Е. М. Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья. Автореферат ... доктора искусствоведения. – СПб., 2010. – 52 с.
29. Тобуроков Н. Н. Якутский стих. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1985. – 160 с.

30. Тобуроков Н. Н. Проблемы сравнительного стиховедения (на материале советской поэзии тюркоязычных народов Сибири). – Якутск: Наука, 1991. – 178 с.
31. Тогуй-оол А. С. Опыт исследования тувинского стихосложения // Учёные записки / Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1953. Вып. I. – С. 93–110.
32. Трояков П. А. К вопросу о хакасском стихосложении // Ученые записки / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Вып. X. – Абакан, 1964. – С. 26–43.
33. Унгвицкая М. Хакасское стихосложение. Автореферат ... кандидата филологических наук. М., 1952. 15 с.
34. Утешева Е. А. Ритмико-интонационная структура кавказского лирического стиха (экспериментально-фонетическое исследование). – Алма-Ата, 1979. – 27 с.
35. Файзуллина А. Б. Традиции восточной литературы в башкирской поэзии XIX–начала XX века. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Уфа, 2010. – 28 с.
36. Фазылова Ф. С. Нравственно-этические проблемы в современной башкирской поэзии (II половина XX–начало XXI века). – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2017. – 144 с.
37. Хамраев М. К. Основы тюркского стихосложения (На материале уйгурской классической и современной поэзии). – Алма-Ата: Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1963. – 216 с.
38. Хамраев М. Пламя жизни (о системе стихосложения тюркоязычных народов). – Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1988. – 256 с.
39. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
40. Хөсәйенов Ф. Б. Башкорт шиғыры. Шигрият һүзлеге. – Өфө: Гилем, 2003. – 480 б.
41. Шаповалов В. Киргизская стихотворная культура и проблемы перевода. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 116 с.
42. Anderson, Benedict R. O'G. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Rev. and extended ed. – London; New York: Verso, 1991.
43. Hines T. M. An odd effect: lengthened reaction times for judgments about odd digits // *Memory & Cognition*. 1990. Vol. 18. P. 40–46.
44. Huber S., Klein E., Graf M., Nuerk H.-Ch., Moeller K., Willmes K. Embodied markedness of parity? Examining handedness effects on parity judgments // *Psychological Research*. 2014. 79 (6). P. 963–977.
45. Koptjevskaja-Tamm M., Divjak D., Rakhilina E. V. Aquamotion verbs in Slavic and Germanic: A case study in lexical typology // *New Approaches to Slavic Verbs of Motion*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 315–341.
46. Kowalski T. *Ze studiów nad formą poezji ludów tureckich*. - Krakow: nakł. Polskiej Akademji Umiejętności, 1921. – 184 s.
47. Köprülü M. F. La metrique 'aruz dans la poesie turque // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Vol. II. Wiesbaden, 1964. P. 252–266.
48. Majid A., Gullberg M., Staden van M., Bowerman M.. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages // *Cognitive Linguistics*. 2007. Vol. 18. Iss. 2 [Special issue]. P. 179–194.
49. Majid A., Jordan F., Dunn M. Semantic systems in closely related languages // *Language Sciences*. 2015. Vol. 49. P. 1–18.
50. Nuerk H.-C., Iversen W., Willmes K. Notational modulation of the SNARC and the MARC (linguistic markedness of response codes) effect // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A: Human Experimental Psychology*. 2004. 57: 5. P. 835–863.

References

1. Abdullaev D. Narodnye osnovy stihoslozheniya v poezii Mahtumkuli. – Ashkhabad: Ylym, 1983. – 80 s.
2. Aliev S. H. Formy klassicheskoy azerbajdzhanskoj poezii. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Baku, 1966. – 34 s.
3. Aliev M. I. Formy i vidy azerbajdzhanskoj narodnoj poezii. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Baku, 1976. – 26 s.
4. Allahyarov K. G. Genesis, stanovlenie i puti evolyucii arzerbajdzhanskogo stihoslozheniya. – Kirov, 2011. – 179 s.
5. Ahmetov Z. A. Kazahskoe stihoslozhenie (Problemy razvitiya stiha v dorevolucionnoj i sovremennoj poezii). – Alma-Ata: Nauka, 1964. – 460 s.
6. Bekmuradov A. Osnovnye tendencii razvitiya stihoslozheniya v turkmenskoy sovetskoj poezii. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Ashkhabad, 1980. – 33 s.
7. Bekmuradov A. Poeticheskoe masterstvo Mahtumkuli Fragi. Avtoreferat ... doktora filologicheskikh nauk. – Ashkhabad, 1990. – 50 s.
8. Vasil'ev G. M. Yakutskoe stihoslozhenie. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 128 s.
9. Dzhafer A. Teoreticheskie osnovy aruzi i azerbajdzhanskij aruz (v sravnenii s arabskim, persidskim, tadzhikskim, tureckim i uzbekskim aruzami). Avtoreferat ... doktora filologicheskikh nauk. – Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbajdzhanskoj SSR, 1968. – 198 s.
10. Dongak U. A. Tuvinskoe stihoslozhenie. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. – Kyzyl, 1999. – 158 s.
11. Zhirmunskij V. M. Ritmiko-semanticheskij parallelizm kak osnova drevnetyurkskogo narodnogo epicheskogo stiha // Vopr. yazykozn. 1964. № 4. S. 3–24.
12. Zhirmunskij V. M. O nekotoryh problemah teorii tyurkskogo narodnogo stiha // Vopr. yazykozn. 1968. № 1. S. 23–42.
13. Ivanov N. I. CHuvashskoe stihoslozhenie i ego osobennosti. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Cheboksary, 1958. – 12 s.
14. Ivanov Vyach. Vs. Chet i nechet: asimmetriya mozga i znakovyh sistem. – M.: Sovetskoe radio, 1978. – 185 s.
15. Ilyushin A. A. Russkoe stihoslozhenie. – M.: Vyssh. shk., 2004. – 240 s.
16. Iskandarova S. A. Evolyuciya metriceskogo i sillabicheskogo stihoslozheniya v bashkirskoj poezii nachala XX veka. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Ufa, 2013. – 23 s.
17. Kaskinova G. N. Voprosy strukturnoj poetiki v sovremennoj bashkirskoj poezii. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Ufa, 2007. – 22 s.
18. Katashev S. M. Osnovy altajskogo stihoslozheniya. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – M., 1972. – 24 s.
19. Korsh" Θ. Drevn'jšij narodnyj stih" tureckih" plemen" // Zapiski Vostochnago otděleniya Imperatorskago russkogo arhologicheskago obshchestva. T. XIX. Vyp. II–III. – SPb.: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk", 1909. – S. 139–167.
20. Orekhov B. V. Bashkirskij stih XX veka. Korpusnoe issledovanie. – SPb.: Aletejya, 2019. – 344 s.
21. Orekhov B. V. Metr otrezkov dlinnee stroki v bashkirskom sillabicheskom stihe // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. – 2019. – T. 78. – № 2. – S. 41–50.
22. Polivanov E. D. O prieme alliteracii v kirgizskoj poezii v svyazi s poeticheskoy tekhnikoj i yazykovymi faktorami drugih «altajskih» narodnostej // Problemy vostochnogo stihoslozheniya. – M, 1973. – S. 100–106.
23. Rahilina E. V., Reznikova T. I. Frejmovyj podhod k leksicheskoy tipologii // Voprosy yazykoznaniya. 2013. № 2. S. 3–31.
24. Redzhepov R. Liricheskoe sodержanie i iskusstvo stiha. Avtoreferat ... doktora filologicheskikh nauk. – Ashkhabad, 1969. – 88 s.
25. Rodionov V. G. Chuvashskoe i tyurkskoe stihoslozhenie: Ucheb. posobie. – Cheboksary: Izd. Chuvash. un-ta, 1980. – 80 s.

26. Rodionov V. G. Chuvashskij stih. Problemy stanovleniya i razvitiya. – Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. – 224 s.
27. Rysaliev K. Kirgizskoe stihoslozhenie. Avtoreferat ... doktora filologicheskikh nauk. – Frunze, 1965. – 132 s.
28. Smirnova E. M. Ritmicheskij stroj muzykal'no-poeticheskogo fol'klora tatar-musul'man Volgo-Ural'ya. Avtoreferat ... doktora iskusstvovedeniya. – Spb., 2010. – 52 s.
29. Toburokov N. N. Yakutskij stih. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. – 160 s.
30. Toburokov N. N. Problemy sravnitel'nogo stihovedeniya (na materiale sovetskoj poezii tyurkoyazychnyh narodov Sibiri). – Yakutsk: Nauka, 1991. – 178 s.
31. Toguj-ool A. S. Opyt issledovaniya tuvinskogo stihoslozheniya // Uchyonye zapiski / Tuvinskij nauchno-issledovatel'skij institut yazyka, literatury i istorii. – Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1953. Vyp. I. – S. 93–110.
32. Troyakov P. A. K voprosu o hakasskom stihoslozhenii // Uchenye zapiski / Hakasskij nauchno-issledovatel'skij institut yazyka, literatury i istorii. Vyp. X. – Abakan, 1964. – S. 26–43.
33. Ungvickaya M. Hakasskoe stihoslozhenie. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. M., 1952. 15 s.
34. Utesheva E. A. Ritmiko-intonacionnaya struktura kavkazskogo liricheskogo stiha (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie). – Alma-Ata, 1979. – 27 s.
35. Fajzullina A. B. Tradicii vostochnoj literatury v bashkirskoj poezii XIX–nachala XX veka. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Ufa, 2010. – 28 s.
36. Fazylova F. S. Nravstvenno-eticheskie problemy v sovremennoj bashkirskoj poezii (II polovina XX–nachalo XXI veka). – Ufa: Bashkirskaya enciklopediya, 2017. – 144 s.
37. Hamraev M. K. Osnovy tyurkskogo stihoslozheniya (Na materiale ujugurskoj klassicheskoj i sovremennoj poezii). – Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii Nauk Kazahskoj SSR, 1963. – 216 s.
38. Hamraev M. Plamyazhizni (o sisteme stihoslozheniya tyurkoyazychnyh narodov). – Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Gulyama, 1988. – 256 s.
39. Holshevnikov V. E. Osnovy stihovedeniya: Russkoe stihoslozhenie. – Spb: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. – 208 s.
40. Höşojenov F. B. Bashkort shiryry. Shirriät hyzlege. – Öfö: Filem, 2003. – 480 b.
41. Shapovalov V. Kirgizskaya stihotvornaya kul'tura i problemy perevoda. – Frunze: Kyrgyzstan, 1986. – 116 s.
42. Anderson, Benedict R. O'G. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. and extended ed. – London; New York: Verso, 1991.
43. Hines T. M. An odd effect: lengthened reaction times for judgments about odd digits // Memory & Cognition. 1990. Vol. 18. P. 40–46.
44. Huber S., Klein E., Graf M., Nuerk H.-Ch., Moeller K., Willmes K. Embodied markedness of parity? Examining handedness effects on parity judgments // Psychological Research. 2014. 79 (6). P. 963–977.
45. Koptjevskaja-Tamm M., Divjak D., Rakhilina E. V. Aquamotion verbs in Slavic and Germanic: A case study in lexical typology // New Approaches to Slavic Verbs of Motion. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 315–341.
46. Kowalski T. Ze studiów nad formą poezji ludów tureckich. – Krakow: nakł. Polskiej Akademji Umiejętności, 1921. – 184 s.
47. Köprülü M. F. La metrique 'aruz dans la poesie turque // Philologiae Turcicae Fundamenta. Vol. II. Wiesbaden, 1964. P. 252–266.
48. Majid A., Gullberg M., Staden van M., Bowerman M.. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages // Cognitive Linguistics. 2007. Vol. 18. Iss. 2 [Special issue]. P. 179–194.
49. Majid A., Jordan F., Dunn M. Semantic systems in closely related languages // Language Sciences. 2015. Vol. 49. P. 1–18.
50. Nuerk H.-C., Iversen W., Willmes K. Notational modulation of the SNARC and the MARC (linguistic markedness of response codes) effect // The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A: Human Experimental Psychology. 2004. 57: 5. P. 835–863.